

В своей книжке Панченко освещал также попытки папства насадить церковную унию в Латинской империи. Рассматривалась деятельность в этом направлении легатов Иннокентия III — Бенедикта в 1205—1207 гг. (стр. 25) и Пелагия д'Альбано в 1213 г. (стр. 50 сл.), показывалось сопротивление унии со стороны греческого духовенства, ободренного, по выражению Панченко, «образованием независимых политических центров в Никее и Эпире» (стр. 49). Слабым местом в освещении им этого комплекса вопросов являлось то, что он не сумел выявить подлинные глубокие причины провала миссии обоих папских посланцев в Латинской империи. Панченко, правда, писал, что здесь «шла борьба не на жизнь, а на смерть» (стр. 59), однако ошибочно сводил ее исключительно к сопротивлению православного духовенства латинскому. В силу своей идейно-методологической ограниченности буржуазного ученого он не смог (да и не пытался) разглядеть те широкие общественные силы, действия которых предопределили неудачу церковно-политического курса папства.

В 1915 г. был опубликован литографированный курс лекций видного русского медиевиста, знатока средневековых источников Егорова «Крестовые походы»; этот курс, прочитанный им на Московских высших женских курсах в 1914—1915 гг., построенный проблемно, по словам самого лектора, был направлен главным образом против одной «формулы» западноевропейских историков, согласно которой «крестовые походы были характерным эпизодом средневековья», а Первый крестовый поход был «типичным для остальных» (ч. I, стр. 12—14, 62). Критика Егоровым этой «формулы» внесла много нового в понимание предпосылок и характера крестового движения³⁴.

Последним по времени произведением русской дореволюционной историографии крестовых походов является исследование П. М. Бицилли «Новгородское сказание о IV крестовом походе», опубликованное в 1916 г.³⁵ Тема исследования — известия Новгородской летописи о Четвертом крестовом походе. Конкретные результаты этой работы представляют определенную научную ценность. В очень скромном по размерам, всего в шесть с небольшим страничек, этюде Бицилли рассматривает поставленную им тему в основном в источниковедческом аспекте. Автора прежде всего занимает вопрос об источниках, или, вернее, источнике той версии относительно дипломатической предыстории Четвертого похода, которая получила свое выражение в Новгородской летописи³⁶ и согласно которой «этот поход был решен совместно (курсив автора.— М. З.) папой и Филиппом Швабским» (стр. 55). Посредством скрупулезного филологического анализа текста новгородского сказания, главным образом особенностей начертания в нем собственных имен и географических названий (они передаются летописцем на немецкий лад: «Берн» — Верона, «Венедикт» или по другому списку «Венедик» — Венеция и т. п. — стр. 56—58), а также на основании давно отмеченного исследователями факта знакомства русских сказителей и летописцев с немецкими сказаниями, в том числе о «поганом и злом Дедрике», т. е. Дитрихе Бернском, упоминаемом и в Новгородской летописи, Бицилли приходит к заключению, что источником информации для автора новгородского сказания о Четвертом крестовом походе были немецкие крестоносцы: «...новгородец услышал рассказ о

³⁴ См. подробнее в нашем обзоре в ВВ, IV, 1951, стр. 184 сл.

³⁵ Насколько мы можем судить, впоследствии историк никогда не возвращался к истории крестовых походов: находясь после Октябрьской революции в эмиграции, он занимался другими проблемами средневековой истории и, кроме того, написал ряд исследований по истории русской литературы XIX в.

³⁶ П. Б и ц и л л и. Новгородское сказание о IV крестовом походе.— «Исторические известия». М., 1916, № 3-4, стр. 55.